

— Марк Анатольевич, а вы любите свой день рождения?

— В последнее время как-то перестал его любить, потому что возраст увеличивается и уже возникают разные неприятные ощущения. И уже вылезает из меня ретроград, старомодный ворчун, который еще немножко — и будет говорить: «А вот в наше время... не то что нынешняя молодежь». Вот этого я боюсь больше всего.

— А отмечать любите — красиво, с pompой?

— Отмечать я не очень люблю. Особенно так, как приходится в этот раз. Но

Моск. комсомолец — 1993 — Век

«МК» и Захаров —

тут меня упрощил театр, сказав, что надо сделать праздник, потому что второго такого праздника можно не дожидаться. Я согласился. Действительно, рассчитывать на 70-летие трудно в наше время.

— Интересно, как чувствует себя человек, когда ему исполняется 60?

— Могу объяснить. Когда встречаешь своего одноклассника или однокурсника, думаешь: «Господи, что же это он так постарел. Я-то вроде прежний — ну немножко поменялся — но в принципе в порядке. А с ним-то что случилось?» В общем, чувствую некоторое удивление. А потом с помощью самоанализа или самопознания (этому я научился у Бердяева) начинаешь понимать, что, наверное, и ты не в той кондиции, не того вида, на который рассчитываешь.

— То есть вы хотите сказать, что пора подводить черточку: посчитать, посмеяться, прослезиться?

— Не-не, что вы, сейчас наступило время такое замечательное, разрушен цензурный аппарат (а я всю жизнь боролся с ним). Я ставлю спектакли (во всяком случае четыре последних), которые я никогда бы не поставил в условиях прежнего существования. Поэтому я радуюсь и надеюсь, что мне еще какое-то время будет опущено делать что-то с моими любимыми актерами первого и второго поколения.

— Марк Анатольевич, на день рождения какой бы вы хотели получить подарок — серьезный или легкомысленный вопрос?

— Последние номера «Московского комсомольца» были столь серьезными и весомыми и, по моему, замечательными, поэтому лучше легкомысленный.

— Тогда скажите, вы к своим артистам относитесь как к женщинам или как к артистам?

— Нет, отношусь, конечно, как к женщинам, но... памятуя одну заповедь моего учителя Валентина Плучека. Проводя меня из Театра сатиры на самостоятельную работу в «Ленком», он сказал: «Вот, пожалуйста, насчет единомышленниц будь внимателен. Общайся с представительницами прекрасного пола в репетиционном зале, на сцене, но дальше общение это не продолжай». Этому совету я стараюсь следовать, хотя не считаю

себя человеком безгрешным. Сейчас у нас в театре появились очаровательные молодые женщины. Например, Наташа Щукина, исполнительница роли Сюзанны в «Женитьбе Фигаро». Собственную дочь хвалить не буду. Нетактично.

— А вы не называете звезд, с которыми, как говорят, ваши отношения зашли в тупик...

— Нет, звезд я почитаю, знаю, что их у нас десять штук: Абдулов, Броневой, Караченцов...

— А Захарова Марка Анатольевича вы относите к этой великолепной десятке?

Пираты навек

Захаров сел на пол. Потом прилег на роскошный дубовый диван. Усмехнулся. Взгрустнул... В бильярдной купеческого клуба, теперь именуемой его кабинетом, в канун 60-летия Захаров позволял делать с собой все, что требовала неуемная фантазия нашего фотокора. Хотя честно сознался, что небрит. Зато носки — свежие.

— Нет, нет, я не артист. Я какое-то другое существо в театральном мире. Я считаю, что в театре главное — артист. Знаете, у меня никогда не возникало зависти (хотя я, конечно, кому-то завидовал) к актеру, зарабатывающему больше меня. Это, может, одна из немногочисленных моих добродетелей.

— А хочется в 60 лет просто гулять по улице, где метет роскошная осень? Целоваться, смотреть на красивых женщин?

— Вы знаете, хочется. Правда, мне много стало мешать то, что моя физиономия часто стала мелькать по телевидению. И меня узнают. Это иногда помогает в некоторых кабинетах, когда надо достать кирпич для театра. А вот на улицах мешаает.

— А когда вы в последний раз просто так, от нечего делать бродили по улице?

— Последний раз? По Санкт-Петербургу, где мы были на гастролях. Там замечательная осень: она как-то желтее, прекраснее московской, и там начинаешь вспоминать Пушкина почему-то, Петра Первого...

— Знаете, Марк Анатольевич, я была бы счастлива не говорить с вами о событиях черного октября, но... Когда вы узнали о случившемся, не было желания взять и повесить замок на театр?

— Учитывая опыт 91-го года, я понял, что замок вешать нельзя. Театр — это все-таки трибуна, всегда был и останется ею. Даже теперь, когда в наших спектаклях мы избегаем прямой политической подоплеку, публицистических сенсаций. Все равно театр — это коллектив, и вместе со зрителями он может достигнуть энергетики, которая в свою очередь может быть полезна обществу.

— После путча 91-го года вы сожгли партбилет, не возникает теперь желание что-нибудь сжечь?

— Вы напомнили мне о самом непри-

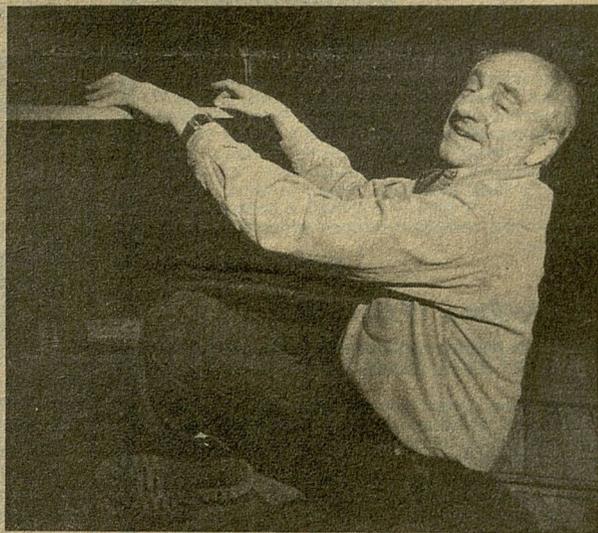

Фото Анатолия БЕЛЯСОВА.

ятном моменте в жизни. Это был порыв, непродуманный, но искренний. Наверное, расставаться с партийным прошлым надо не так демонстративно, не так картинно.

А сжигать я буду неудачные номера «МК», если таковые будут попадаться, на что я не рассчитываю.

— Как, на ваш взгляд, дальше будет развиваться события в стране?

— Я думаю о замечательных словах Александра Исаича Солженицына, который писал: «Часы коммунизма свое отбили, бетонная стена его рухнула, но как бы нам вместо свободы не расплотиться под ее обломками». И я понимаю теперь гениальность многих открытий Ленина.

— Например?..

— Создание партии нового типа. Партии штурмовиков, боевиков, вооруженной партии. Вооруженной не словом, а оружием. Знаете, у нас в театре долгое время висела картина «Выступление Ленина на III съезде комсомола», где он замечательным образом сказал, что морально и нравственно все то, что способствует

(ОКОНЧАНИЕ НА 3-й СТР.)

«МК» и Захаров — пираты навек

(ОКОНЧАНИЕ, НАЧАЛО НА 1-й СТР.)

победе пролетариата. Мы несколько раз под разными предлогами пытались картину снять, и каждый раз через 40 минут следовал грозный звонок из соответствующих инстанций с требованиями повесить картину на место. Как и в каждом советском учреждении, в театре была своя сеть информаторов.

— Вы — человек политики. Скажите честно, Марк Анатольевич, у вас не возникает желания после всех ужасных событий не приближаться к ней, отойти?

— Я, к сожалению, понимаю справедливость мысли, что режиссер должен заниматься своим делом. И мой самый близкий друг Григорий Горин сказал: «Хватит этого депутатства, ставь спектакли, пока это у тебя получается». И он прав. Но я уже не могу полностью отрешиться от событий политического характера. Я с удовольствием и изумлением замечаю, как новая генерация совсем молодых людей в последнее время совсем не подходила к телевизору, не читала и не хочет читать газет. И я по-своему уважаю их за сво-

боду и независимость от политической ситуации. Я понимаю, что это признак нормального человека. Но я-то человек — ненормальный. Я все-таки родился в сталинскую эпоху, у меня слезы на глаза наворачивались в 53-м году, когда умер вождь и учитель. И я не могу полностью отрешиться от политики и чувствовать себя абсолютно свободным и независимым человеком.

— Вот лучше поговорим об этом, чем о политике. Что вы собираетесь ставить?

— Человек, который много общался с истиной, по фамилии Караулов, упрекнул нас в том, что «Ленком» — это Диснейленд, развлекаловка. Я с этим не согласен. После такого веселого спектакля, как «Женитьба Фигаро», мы обращаемся к Антону Павловичу Чехову — репетируем «Чайку». И есть две хорошие пьесы на подходе — Г. Горина «Чума на оба ваших дома» и пьеса Н. Садур, которая делает собственную вольную фантазию на тему «Мертвых душ» Гоголя.

— Марк Анатольевич, вам бывает плохо?

— Бывает плохо, когда нашим звездам (вы мне не дали их перечислить) предлагают съемки за свободно конвертируемую валюту, а эти съемки совпадают с объявленными спектаклями. Вот тогда мне становится невыносимо трудно. Но самая главная трудность — организация контакта с сегодняшним зрителем, который переполнен художественной информацией, все знает, понимает. Поэтому найти повод для спектакля, который нес элементы если не открытия, то хотя бы новизны, трудно.

— А когда Марку Анатольевичу становится плохо, где он ищет отдушину — в театре, дома, с друзьями?

— В книгах, в мемуарной литературе. Но это я сказал, чтобы произвести впечатление адумчивого человека. А если уж совсем честно — есть желание собраться с приятными тебе людьми, может быть, даже выпить чего-то немного. Много, как раньше, сердце уже не позволяет, и некоторую осторожность нехотят соблюдать.

— Марк Анатольевич, сегодня вам говорят много чего хорошего (надеюсь,

искренне). А что бы вы сами пожелали Марку Анатольевичу Захарову?

— Театр устроен таким противным образом, что от самочувствия, настроения, работы мозга лидера российского репертуарного драматического театра очень многое зависит. Но если лидер не в форме, плохо соображает, то каким бы замечательным ни был худсовет, большинством голосов он все равно ничего не делает и ничего не решит. Поэтому мне хотелось как можно дольше оставаться в форме, чувствовать себя молодым и с радостью, а не с ворчанием относиться к некоторому максимализму и перехлестам, которые свойственны, скажем, «Московскому комсомольцу».

— «Московский комсомолец» от всего сердца желает вам этих же перехлестов.

— Я благодарен этой газете еще и за то, что она не переименовалась в «Зарю», «Новую жизнь» и т. д. У пиратов было такое поверие: «Если захватываешь корабль, его нельзя переименовывать, иначе пойдет ко дну».

— Значит, мы с вами пираты.

— Пираты.

— Тогда — на abordаж!

Марина РАЙКИНА.